

**Отзыв официального оппонента на диссертацию В. С. Коробова
«Богословская проблематика Константинопольских Соборов 1166, 1170
годов в контексте литературного обмена между Византией и латинским
Западом», представленную на соискание ученой степени кандидата
теологии**

Диссертация В. С. Коробова, выполненная на весьма актуальную в научном и церковно-общественном плане тему, показывает, «насколько сложно было для византийцев найти пути к восстановлению утраченного вероучительного единства с западным миром» (с. 164). И в рамках самого византийского богословия формула о «разделении в [одном лишь] примыслении» сталкивается с серьезными трудностями при попытке ее сопоставления, например, с паламитским разграничением сущности и энергии в Боге. Поэтому рецепция данной формулы и, соответственно, деяний Соборов XII века в церковном предании не могла быть простой, о чем убедительно и говорит автор (особенно в Заключение). Тем актуальнее изучить ход Соборов 1166 и 1167 гг., окружавший их идеологический фон и их богословие как таковое, в его непосредственном историческом развертывании. Ханс-Георг Бек (1910–1999) был явным образом неправ, утверждая, будто догматическое Православие в Византии после X в. было всего лишь озлоблено против «ересей дидаскалов» (Жан Гуйяр): «речь идёт, – по словам Бека, – исключительно о раздражении»¹.

Нет! – ответим на это мы. В Византии всегда билось, образно говоря, живое догматически мыслящее и чувствующее сердце. Пониманию этого обстоятельства способствует и данная работа В. С. Коробова. Она тем ценнее, что автор учитывает новейшие источники, опубликованные лишь в 2016 г. (см. с. 6, 11 и далее): столь стремительно совершается прогресс научно-философского и историко-богословского знания, что порой трудно поспевать за публикациями. Однако автору удалось собрать критически необходимый объем источников и библиографии по своей теме – по которой

¹ Beck H.-G. Das byzantinische Jahrtausend. München: C. H. Beck. 1978. S. 279.

практически отсутствуют современного научного уровня работы на русском языке (с. 4). Пять задач диссертации умело сочетают церковно-исторический и богословский анализ (с. 7). Характеристика объекта, предмета и источниковой базы исследования также не вызывает нареканий (с. 7–9), как и раздел о новизне (с. 9). Несомненно, диссертация В. С. Коробова «может стать полезной для более глубокого исследования рецепции соборных решений в византийском богословии» (с. 9). Третье из выносимых на защиту положений касается разнообразных богословских толкований Ин. 14: 28, а во втором достаточно подробно (как и в работе в целом) реконструируется ход событий 1166–1167 гг., с подчеркиванием активной роли Мануила I Комнина (с. 11–12). Влияние же Гуго Этериана на решения Поместных соборов 1166 и 1167 гг. было не прямым, но лишь косвенным и общеидеологическим (с. 12). Не имея возражений, перейдем к поглавному анализу работы.

В первой главе «Историография и анализ источников» (с. 14–66) дается практически энциклопедическая справка по соответствующей тематике. Разумеется, можно найти несколько общих курсов византологии, где авторы что-то говорят и о константинопольских соборах, и об эпохе в целом, но погоду в среде специалистов делают не они. Мы видим развитие научной мысли, связанное и с расширением научной базы, от Классена к Дондэну (с. 20); и т. д. Жан Гуйяр впоследствии отметил близость данных процессов с осуждением Евстратия Никейского полувеком ранее (с. 22), каковой диахронический путь сопоставления разных ересеологических процессов и нам кажется перспективным, в том числе и ввиду популярности в философской медиевистике и ренессансоведении концепций, близких созданной Френсис Йейтс (1964), о существовании будто бы некой единой мегатрадиции околофилософского герметизма II–XVI вв., к которой относился и Бруно; и всё же столь широкие построения последующее ренессансоведение (в лице Й.-П. Кулиану) откорректировало. Нужен средний путь – в рамках поздневизантийской духовной истории проследить

истолкование, скажем, Ин. 14: 28 и связанные с ним процессы. Именно этот путь и избирает автор диссертации.

В обзоре В. С. Коробовым историографии можно придраться разве что к транскрипции фамилии П. Подоляка как «Подолак» (с. 30 и сл.), поскольку фамилия всё-таки польская (как и происхождение ее автора) и должна транскрибироваться со смягчением гласного; соответственно, на с. 32 должно стоять «изложение биографии П. Подоляком», со склонением фамилии ученого-мужчины; аналогично – «размещена П. Подоляком» (с. 33). Но в целом историография проблемы, невзирая на наличие книг (Саккоса [от произведенной которым классификации автор отказывается на с. 34 в пользу языкового критерия как более удобного и универсального], Каприева) достаточно скудная, чем и не преминул воспользоваться автор, обосновывая актуальность избранной им темы.

Характеристика источников (на с. 34–66) также не вызывает принципиальных возражений. Особую ценность ей придает обзор рукописей – например, «Истории» Киннама (с. 37–38) и ее первых изданий; таким образом, этот раздел по информативности начинает напоминать «Byzantinoturcica» Дь. Моравчика. Значима для патрологов характеристика «Сокровищницы Православия» Никиты Хониата (с. 40–43), рукописной традиции сочинения (с. 43–48) и его изданий (с. 48–50), с уникальной и беспрецедентной для русской патрологии полнотой приводимых в этом разделе сведений. Всякому интересующемуся будет полезно прочитать и характеристику Синодика в Неделю Православия (с. 52–55). Подробно описывается и новооткрытый латинский трактат Гуго Этериана «О меньшинстве и равенстве Сына Человеческого по отношению к Богу Отцу» на с. 56–60, с обращением как к неоплатоникам, так и к святоотеческой традиции. Выводы главы адекватно отображают ее содержание (с. 64–66). По сути, перед нами – законченная глава монографии.

Глава вторая «Реконструкция богословского спора» (с. 67–100) посвящена догматическим особенностям греко-латинской полемики при

Мануиле Комнине, определившей ход соборов. Цель главы – описать ход полемики «с учётом новых источников» (с. 67). Анализируя общий контекст событий, автор отмечает, что в Византии с XI в. «очень настороженно относились к совмещению богословия с философией» (с. 69, ср. с. 97). Удачен раздел про Иоанна Итала (с. 70–71). Начиная с осуждения Евстратия Никейского, церковные власти «предписывали с особой осторожностью подходить к употреблению термина «κατ' ἐπίνοιαν διαίρεσιν» («разделение по примыслению»))» (с. 71) в христологии; в ходе же исихастских споров это выражение будут, хотя и с должной осторожностью, применять и к триадологии (перенос в которую христологических терминов, как и наоборот, совершался с IV в. на достаточно регулярной основе). Автор прав, выделяя это важнейшее понятие и делая его одним из краеугольных в своей работе (ср. о еретическом понимании данного выражения Иоанном XI Векком на с. 94). Он приходит к верному, думается, выводу об особой значимости христологии XII в. (особенно, заметим, ввиду полемики с армянами-монофизитами и латинянами, с присущими их христологии элементами криптонесторианства); соответственно, византийские богословы (о чем лукаво умалчивает Х.-Г. Бек) стремятся «доказать полноту человеческой природы Христа даже до того, чтобы поставить её наравне с Божественной. Эта тенденция проявит себя вновь спустя несколько лет, когда Константинополь охватит новый доктринальный спор...» (с. 72, ср. с. 97). Он и явился предметом изучения в настоящей работе.

Говорится о предыстории событий (с. 73 и сл.). Объясняя дело Димитрия Лампского и возбужденный им резонанс, автор поясняет: «Видимо, для византийцев представление о том, что Сын может быть в каком-то смысле меньше Отца, являлось болезненным отголоском давно угасших арианских и несторианских споров» (с. 74). С этим возможно согласиться. И в то же время актуальность антилатинской полемики делала этот интерес большим чисто антикварного.

На с. 80 приводится по Хониату текст исповедания веры Собора 1166 г.; видна ориентация Отцов Собора на Халкидонский догмат. Анализируются 4 главы, добавленные по этому случаю в Синодик в Неделю Православия (с. 81–82 и сл.). Однако после этого состоялось третье заседание Собора, принявшее умеренную формулу. Оно было центральным, и по его результатам была принята формулировка о том, что Ин. 14: 28 необходимо понимать «по человечеству», «в соответствии с тварной природой Спасителя» (с. 84, ср. с. 99). И всё же через 4 года – в 1170 г. – состоялся новый Собор (с. 87 и сл.), анафематствовавший Константина Керкирского и Иоанна Ириника, против которых в Синодик были добавлены еще 6 глав (с. 90 и сл.).

В гл. 2.5 «Итоги Соборов» (с. 92–97) и Выводах (с. 97–100) подводятся итоги Второй главы. Человечество Христа следует почитать наряду с Его Божеством (с. 92); эта мысль согласуется с одним из центральных пунктов Письма Михаила Кирулария Петру Антиохийскому (1054) – о том, что латиняне возобновляют схизму папы Вигилия, т. е. впадают в криптонесторианство (каковое отчетливо видно на полотнах Мантенья и Карраччи «Мертвый Христос» в эпоху зрелого Возрождения). О связи проблемы толкования Ин. 14: 28 с Филиокве говорится на с. 95–96, об антипаламитском понимании Иоанна Кипариссиота – на с. 96–97, с закономерным выводом о том, что «Отвергнутое Соборами словосочетание «разделение по примышлению» («κατ' ἐπίνοίαν διαίρεσιν») продолжало дальше употребляться в богословской литературе» (с. 100). Всё это очень выгодным образом расширяет контекст понимания проблемы.

Это подводит нас к Третьей главе «Взаимодействие восточной и западной традиции в богословии Соборов 1166, 1170 гг.» (с. 101–162). Давая краткий очерк православной христологии в русле работ прот. И. Мейендорфа, автор полагает (следуя довольно старой традиции), будто в Православной Церкви после VI в. нередко наблюдались «монофизитского мышления» (с. 110). Нам это утверждение, обоснование которого

потребовало бы целой монографии с опровержением концепций Ж. Лебона, В. С. Соловьева (между прочим) и иных, не кажется обоснованным. Новейшие исследования по истории иконоборчества как закономерного этапа христологической полемики (В. А. Баранов, Д. Эванс) показывают, в частности, органичную опору иконоборцев на концепции Леонтия Византийского, который, вероятно, был оригенистом-исохристом (и чью модель, как мы попытались показать, реанимировал в XIV в. Прохор Кидонис, каковая гипотеза была высоко оценена Л. В. Луховицким). Впрочем, в основной эвристической части своей работы автор как раз и дает понять, что пересмотр подобного рода общих концепций в наши дни становится неизбежным.

В диахроническом обзоре толкования Ин. 14: 28 в византийской традиции привлекают внимание разделы о поздневизантийской традиции (с. 120–124) и в западной традиции (с. 124–134, с привлечением мест из Идельфонса Толедского [едва ли не впервые в русской патрологии], Беды Достопочтенного, Алкуина, Герхоха Райхерсбергского). Типично понимание Никиты Сеида (XII в.) в смысле указания на монархию Отца (с. 122). Было бы неплохо заняться этим автором и перевести его труды, в которых немало поучительного – например, Никита выделяет десятки свойств воли Божией; и т. п. Принципиальный вывод – уже в ходе арианского спора были даны основные интерпретации данного стиха (с. 123). Вывод тут главный может быть сделан один – автору пора продолжить курс А. Р. Фокина по латинской патрологии «вглубь» Западного Средневековья и схоластики. Автор бережно относится к свидетельствам источников, проявляет талант их сопоставления и вытекающего из данной процедуры исторического синтеза.

В разделе «Анализ взаимодействия восточной и западной традиции в богословии Соборов» (с. 134–163) сама за себя говорит уже первая – энциклопедическая – фраза: «На Соборе 1166 г. в общей сложности было предложено семь толкований: триадологическое или «Причины»; христологическое или «по человечеству»; умаления (кеносиса); чести;

утешения учеников; «разделения по примышлению»; общего лица человеческой природы» (с. 134). Далее автор разделяет участников Собора 1166 г. на партии, поддерживавшие то или иное из этих семи истолкований (с. 135 и сл.; Мануил Комнин поддерживал второе – с. 135). Третье было отвергнуто во время Собора как излишне отделяющее Божество от человечества (с. 136) – и, по мнению автора, отвергнуто неправославным образом (с. 166). На с. 137 сл. приводится история термина ἐπίνοια, действительно, имеющая принципиальное значение для вопроса о единстве и разделениях в Боге. «Злоупотребление» этим понятием началось в XII в., с ереси Евстратия Никейского (с. 139). Образцы ложных силлогизмов, связанных с пониманием Ин. 14: 28 и приводимых по трактату Гуго Этериана на с. 149–150, насколько представляется, близки критике латинян у Николая Мефонского и основаны на том, что (в духе богословия анализируемых Соборов) природу можно сопоставлять только с природой, а Лицо – только с Лицом; «межуровневая», так сказать, путаница здесь недопустима. Затем автор проясняет вопрос о связи византийской полемики вокруг Ин. 14: 28 с внутризпадными спорами между Герхохом Райхерсбергским и учениками Гильберта Порретанского (с. 150–151: Гильберт и его ученики занимали ту же позицию, что и Мануил – Христос по человечеству меньше Отца; ср. с. 165: эта трактовка вообще преобладала на Западе, в отличие от триадологической). «Гуго поясняет, что Христос в образе Божиим больше Самого Себя, а в образе раба меньше Самого Себя» (с. 152), каковое положение после споров нехотя признала и Византия. В силу этих и иных сближений можно полагать вместе с автором работы, что «деятельность Гуго Этериана в Константинополе была обусловлена униональными целями» (с. 155). Это положение, одно из важнейших в работе, представляется доказанным.

Из выводов Третьей главы мы бы серьезно покритиковали (ср. выше раздел о христологии иконопочитателей и иконоборцев) положение о том, что после VI в. в Византии давали о себе знать отблески монофизитского

мышления (с. 160) – этот старый тезис Соловьева/ Лебона/ Х.-Г. Бека (1952) и др. пора подвергнуть обоснованному пересмотру.

По мнению автора, «Томос Собора (1166 г. – Д. М.), провозглашающий равенство славы плоти Спасителя и Его Божественной Ипостаси, видится компромиссным вариантом и явно не удовлетворил советника Мануила — Гуго Этериана» (с. 162). В Заключении (с. 164–168) удачным образом подводятся итоги исследования. Споры о христологии «были привнесены в Византию извне. Более того, они имеют связь с западными дебатами о славе Христовой» (с. 165). «Кенотическое» истолкование Ин. 14: 28 не противоречит общему православному пониманию Домостроительства нашего спасения, совершённого Иисусом Христом (с. 166). Пожалуй, следует поддержать этот вывод – как и вывод о том, что прямого влияния Гуго Этериана на Мануила не зафиксировано, но идейное воздействие латинянина на императора, несомненно, было (с. 166).

Подводя итог, следует констатировать, что диссертационное исследование В. С. Коробова являет собой целостный и законченный научно-богословский и церковно-исторический труд, в полной мере соответствующий (а в ряде пунктов и превосходящий) тем требованиям, которые предъявляются к такого рода работам, а его автор – В. С. Коробов – достоин присуждения ему ученой степени кандидата теологии по специальности 5.11.1 Теоретическая теология (по исследовательскому направлению: православие).

Доктор философских наук, доцент, профессор
и заведующий кафедрой общих гуманитарных
дисциплин Уральской государственной
консерватории им. М.П. Мусоргского

620014 РФ, г. Екатеринбург, просп. Ленина, д. 26
+7 343 371 21 80; E-mail: mail@uralconsy.org

Дмитрий Игоревич Макаров

23.11.2023